

Маленький гений И Даньдань усердно трудился каждый день. Жун-жун дал слово: как только малыш освоит самые простые слова — писать даже не обязательно, главное правильно произносить и читать, — они наконец-то выберутся на прогулку.

Поэтому дни крохи были расписаны по минутам. Пока Жун Чэньцзюня не было дома, Даньдань возился со своим обучающим планшетом. Сил у него хватало, и специальное перо он удерживал без труда, вот только духовной энергии на учебу уходило прорва.

Но сегодня наступило пятнадцатое число по лунному календарю — время полнолуния, когда можно до краев восполнить растроченные силы.

Жун Чэньцзюнь возился на кухне. Крошечный дух, дождавшись возвращения своего покровителя с работы, ни на шаг от него не отступал. Устроившись на плече мужчины, он наблюдал за приготовлением ужина и без умолку трещал:

— Жун-жун, а я тебя сегодня по телевизору видел!

Жун Чэньцзюнь взглянул на плечо и мягко улыбнулся:

— Да неужели? И что же я там делал?

— Сначала шли красивые сестры, а потом вышел ты и сделал вот так...

Малыш вспорхнул, завис перед лицом Чэньцзюня и уморительно поклонился, воображая, что снимает шляпу.

Жун Чэньцзюнь едва не растаял от умиления.

— Жун-жун, а что это значит?

— Это вежливый поклон. Так выражают уважение к зрителям. Я ведь дизайнер одежды, создатель тех нарядов, поэтому в конце показа должен был выйти на подиум и поблагодарить гостей. Понимаешь?

И Даньдань согласно качнул своим круглым тельцем:

— Значит, все те платья на красивых сестрах сшил ты?

— Моя работа. Красиво?

Маленький дух так и светился восторгом:

— Очень красиво! Жун-жун у меня самый лучший!

— И Даньдань у меня тоже молодец.

— Нет, Жун-жун самый лучший!

— И Даньдань!

Малыш вздохнул с таким видом, словно делал великое одолжение:

— Ну ладно, ладно, мы оба самые лучшие.

Чэньцзюнь тихо рассмеялся. На душе у него стало непривычно тепло и по-домашнему уютно.

— Жун-жун, а почему тебя показывают по телевизору? Там говорили, что попасть туда ужасно трудно. Как у тебя получилось?

Слушая его бесконечные вопросы, Чэньцзюнь невольно подумал, что телевизор дурно влияет на неокрепший детский разум.

— Потому что я модельер, — ответил он, подготавливая сковороду. — Я придумал всю эту коллекцию, вот меня и пригласили. И кстати, Даньдань, с сегодняшнего дня ты будешь смотреть телевизор не больше двух часов в день. Договорились?

Малыш изумился и обиженно заверещал:

— Как?! Но почему?

— Если долго смотреть на экран, испортится зрение, — назидательно произнес молодой человек, — да и для ума вредно.

Кроха растерялся от таких грозных слов. Он вспомнил, что в мультиках взрослые тоже вечно ругали детей за долгие посиделки у экрана, и безропотно поверил. Хотя ему и было жаль расставаться с любимыми передачами, он послушно пообещал:

— Хорошо... Тогда Даньдань будет смотреть только два часа.

Видя его поникший вид, Чэньцзюнь почувствовал жалость. Малыш целыми днями сидит

взаперти, на улицу выйти не может, а теперь еще и лишился единственного развлечения. Это было жестоко.

— Ладно, — смягчился он. — Пусть будет три часа.

Малыш мгновенно повеселел:

— Ура! Жун-жун, ты самый лучший на свете!

«И всё? Так просто?» — усмехнулся про себя мужчина. Каким же наивным и доверчивым был этот крошечный дух.

— Даньдanh, отлети-ка подальше, — предупредил Чэньцзюнь, зажигая конфорку. — Сейчас масло зашипит, брызги могут полететь. Мало ли, обожжешься.

Раскаленные капли могли запросто оставить ожоги на нежной скорлупе. Но И Даньдanh уходить не пожелал. Он метнулся к дивану, подхватил свою любимую игрушечную собачку и вернулся обратно. Подлетев со спины, он ловко юркнул в глубокий капюшон домашней толстовки Чэньцзюня. Устроившись там, как в гнездышке, малыш принялся возиться с игрушкой, тихонько напевая себе под нос:

— Я маленькое яичко, беленькое яичко...

— Маленькое яичко, круглое яичко...

Песенка состояла всего из пары незамысловатых строчек, повторявшихся по кругу. Чэньцзюнь улыбался, переворачивая на сковороде аппетитные ребрышки. В его просторном и раньше таком безжизненном доме наконец-то поселилось настоящее семейное тепло.

Когда ужин был готов, Даньдanh деловито вытащил из шкафа свою крошечную деревянную посуду. Мисочка и палочки для еды, заботливо вырезанные Чэньцзюнем из светлого дерева (сколько наждачной бумаги ушло на шлифовку — не сосчитать!), выглядели рядом с обычной тарелкой как игрушечные. Чашечка размером едва ли превосходила ноготь мизинца, но для малыша она была в половину его роста — в самый раз, чтобы держать обеими руками.

Устроившись за столом, малыш завел дипломатические переговоры:

— Жун-жун, а можно я буду кушать только мясо, а зелень не буду?

— Нельзя, — строго отрезал Чэньцзюнь. — Овощи полезны для здоровья.

— Но я ведь не человек! Я монстр, хищник!

Молодой человек не сдержал смеха. Надо же, крошечное яйцо возомнило себя грозным хищником.

— Даже монстрам нужно сбалансированное питание, иначе не вырастешь.

— Ну и пусть, мне и так хорошо, — легкомысленно отозвался Даньдань.

Чэньцзюнь чистыми кухонными ножницами искромсал сочное ребрышко на микроскопические волокна и наполнил посуду своего подопечного. Любуясь тем, с каким аппетитом уплетает кроха, он подложил ему одну рисинку и крошечный кусочек капустного листа:

— Давай так: ложечку риса, кусочек мяса и обязательно зелень. Понял?

— Понял, — протянул малыш, увлеченно сражаясь с жареным мясом.

Чэньцзюнь только покачал головой. Даньдань быстро понял, что его здесь любят и балуют, и теперь понемногу прощупывал границы дозволенного. Стоило дать слабинку хоть в малом, как этот маленький хитрец продвигался еще на шаг вперед. А ведь поначалу уверял, что совсем не привередлив в еде! Сразу видно — маленький проныра.

После ужина они вместе мыли посуду. Чэньцзюнь отмывал большие тарелки, а малыш старательно полоскал свою чашечку, после чего аккуратно расставлял все по местам.

Затем пришло время вечерней проверки знаний. Жун Чэньцзюнь принес в гостиную тарелку со спелыми фруктами и включил планшет Даньдани.

Учеба давалась малышу легко. Писать он, конечно, еще не умел — с его-то размерами стилус казался бревном, — но зато прекрасно читал, понимал на слух и даже освоил экранную клавиатуру с пиньинем, так что неграмотным его назвать было нельзя.

— Как читается этот иероглиф? Какое произношение?

— Это «любовь», ai, четвертый тон.

— А этот?

— «Жун», gong, второй тон!

После чтения Даньдань без единой запинки оттарабанил таблицу умножения и сосчитал до

ста. План на сегодня был выполнен.

Чэньцзюнь невольно поймал себя на мысли: надо же, убежденный холостяк, никогда не планировавший заводить семью, теперь самозабвенно возится с воспитанием ребенка.

Они недолго посмотрели телевизор, и к девяти часам пришло время готовиться ко второму сну.

Однако малыш вдруг заупрявился:

— Жун-жун, сегодня пятнадцатое число, луна совсем круглая! Я хочу спать на балконе.

Только тут Чэньцзюнь вспомнил слова Даньдани о том, что в полнолуние у него пробуждается магическая сила.

— Прямо так и спать? На голом полу?

— Да! Под одеялом плохо впитывается лунный свет. А если раздеться, то силы восстанавливаются еще быстрее!

— Как это «раздеться»? — затревожился новоявленный отец. — На дворе январь, к ночи заморозки обещают. Замерзнешь ведь! Давай я тебя хотя бы пледом укрою.

— Не нужно, Жун-жун! Когда ко мне спускаются эти светящиеся искорки, становится так тепло, совсем не холодно.

С этими словами малыш упорхнул на балкон, на лету сбросил одежки и подставил свое крошечное тельце мягкому лунному сиянию.

Пораженный такой стремительностью, Чэньцзюнь схватил пушистый плед и поспешил следом, все еще сомневаясь, стоит ли вмешаться. Но стоило ему сделать шаг на балкон, как он замер на месте, затаив дыхание.

С ночного неба срывались бесчисленные серебряные пылинки. Крошечные искры, кружась в воздухе, лавиной опускались на И Даньдани, обволакивая его невесомым мерцающим коконом.

Свечение было мягким, почти прозрачным. Оно не скрывало силуэт малыша, а лишь подчеркивало его очертания, отчего нежная кожа духа казалась жемчужно-белой, словно светящейся изнутри. Сцена выглядела завораживающе, будто на нее наложили сказочный фильтр.

Но еще сильнее Чэньцзюня поразило другое. Стоило ему самому оказаться под лунным светом,

как часть серебряных искр, словно повинуюсь невидимому зову, устремилась к нему. Огоньки беспрепятственно проникали сквозь кожу, растворяясь в теле.

В то же мгновение он почувствовал приятное, глубокое тепло. Морозный январский ветер, только что заставивший бы его поежиться, вдруг перестал ощущаться. Чэньцзюня окутало благодатное, согревающее марево.

В душе его поднялась буря вопросов. Как такое возможно?

Неужели он тоже способен впитывать лунную эссенцию? Что это за чертовщина?

Малыш перевернулся на спину, сладко потянулся и вдруг, заметив происходящее, радостно подпрыгнул в воздухе:

— Ого! Жун-жун, ты такой сильный! Посмотри, сколько искр ты собрал!

Он радостно прижался к плечу мужчины.

— Даньдань, объясни, что происходит? — Чэньцзюнь бережно подхватил теплое, бархатистое тельце.

Малыш удивленно посмотрел:

— А что не так?

— Почему я тоже могу поглощать эту... эту лунную эссенцию?

— Ну так ты же великий демон, — со всей детской непосредственностью заявил кроха.

Жун Чэньцзюнь только вздохнул. Опять этот ребенок выдумывает сказки.

Он хотел было возразить, но вовремя прикусил язык. Даньдань — новорожденный дух, он ничего толком не знает о мире людей, и в его представлении любой сильный покровитель кажется могущественным демоном. Расспрашивать его дальше было бессмысленно.

Однако сомнения пустили глубокие корни в мыслях Чэньцзюня. За всю свою жизнь он ни разу не видел ничего подобного и уж точно не умел впитывать лунный свет. Всё это началось только с появлением маленького духа.

«Может быть, легенды не врут?» — подумал он. В старинных преданиях упоминались особые существа, способные делиться духовной силой со своими партнерами, продлевая им жизнь и

укрепляя тело...

Так они и стояли у раскрытого окна: мужчина и крошечный сияющий дух, объятые серебристым светом луны. Жун Чэньцзюнь не опасался случайных прохожих — стекла его квартиры были тонированными, снаружи разглядеть происходящее внутри было невозможно (а то, что он наплел малышу про любопытные взгляды, было лишь невинной уловкой, чтобы тот не слишком своевольничал).

Тем временем в соседнем жилом комплексе...

Петушиный дух, также медитировавший под полной луной, внезапно прервал циркуляцию своей духовной энергии. Он резко открыл глаза и изумился:

— Хм? Что за мощная демоническая ци? Откуда в восточном районе взялся столь могущественный зверь?

<http://bllate.org/book/18224/1749086>